

— Иди штаны надень, — бросил на ходу Цинь Цзуй, даже не оборачиваясь, лишь мазнул по Цзян Чу быстрым взглядом.

— Дома-то зачем штаны? Да хоть голышом ходи, мне-то что? — Цзян Чу переобулся.

Когда Цинь Цзуй вышел из комнаты в просторных пляжных шортах, Цзян Чу бросил ему бумажный пакет со стейком.

— Что это? — спросил Цинь Цзуй.

— Еда, — отозвался Цзян Чу.

Пока Цинь Цзуй расправлялся со стейком за обеденным столом, Цзян Чу тоже даром время не терял: открыл банку консервированных персиков и уселся напротив, наблюдая за ним.

— На День образования КНР сколько вам выходных дали? — поинтересовался он между делом.

— Три дня, — Цинь Цзуй поднял на него глаза. — А что?

— Только вашему классу учебу продлили? — спросил Цзян Чу.

— Всей школе, — Цинь Цзуй откинулся на спинку стула и отложил вилку. — Ты к чему клонишь?

— Просто Ду Мяомя гулял до вчерашнего дня, — Цзян Чу отхлебнул сладкого сиропа прямо из банки. — Я уж подумал, ты мне лапшу на уши вешаешь.

Цинь Цзуй промолчал. Какое-то время он просто пристально смотрел на Цзян Чу, а затем тихо произнес:

— Я никогда тебе не вру.

— Ценю, — кивнул Цзян Чу.

Он действительно верил ему. А раз так, то пускай Ду Мяомя хоть прогуливал за спиной у Лао Ду, хоть что делал — Цзян Чу было плевать.

— Ну тогда колись: почему ты меня все эти дни избегал? Мне, вообще-то, было не по себе.

При этих словах лицо Цинь Цзуй сделалось еще более выразительным. Цзян Чу даже

показалось, будто на нем отчетливо читается: «Чего ты мелешь?»

— Разве не ты сам от меня шарахался? — взгляд Цинь Цзуй стал на редкость странным.

— Я шарахался? — Цзян Чу погрозил ему ложкой. — Я тебя к себе домой притащил, с какой стати мне от тебя прятаться?

«Разве что в тот день, когда мы смотрели порнуху, я чисто на автомате попытался дистанцироваться... Но не успел я и шага сделать назад, как ты сам взбрыкнул. И теперь крайним остался я?»

Вслух Цзян Чу этого, конечно, не сказал — только прокрутил в голове. Цинь Цзуй же снова замолчал, не сводя с него глаз.

Посмотрев еще немного, он отвел взгляд, выудил из пачки на столе сигарету и зажал ее между губ.

— Говори давай, — Цзян Чу пнул под столом ножку его стула.

Цинь Цзую пришлось снова повернуться к нему. Они молча буравили друг друга глазами пару секунд, после чего парень устало опустил веки, покрутил сигарету в пальцах и тихо выругался:

— Да задолбал...

«И что говорить? Что я должен сказать?»

«Сказать, что, когда я вернулся, проводив Лян Сяоцзя, ты сидел ко мне спиной и молча жевал?»

«Что ты уселся на подлокотник дивана подальше от меня, выдерживая дистанцию в полметра?»

«Или что ты брезгуешь пить пиво из моей банки?»

«Хоть что-то из этого можно нормально произнести вслух?»

Иногда Цинь Цзую казалось, что Цзян Чу чертовски умен. Всё подмечает, всё понимает, эмоциональный интеллект зашкаливает — всегда найдет нужные слова, вовремя сгладит углы и спасет положение. Иногда же — будто у него в голове опилки вместо мозгов.

Цзян Чу и сам пребывал в полном недоумении. Видя, как упрямится мелкий, он со звоном

бросил ложку в банку и тоже откинулся на спинку стула.

Цинь Цзуй понял, что деваться некуда, нахмурился и брякнул первое, что пришло на ум:

— Тебя ведь вырвало в тот день, когда я тебя поцеловал?

—... Сколько лет, сколько зим прошло, а ты всё помнишь! У тебя что, злопамятность с задержкой зажигания работает? — Цзян Чу опешил. Он и представить не мог, что Цинь Цзуй вспомнит именно это. Кусок персика едва не вывалился у него изо рта. — К тому же я еще тогда сказал: дело было вовсе не в тебе...

На полуслове он осекся. Цзян Чу уставился на Цинь Цзую так, словно перед ним была какая-то диковинная, забавная зверушка.

— Погоди-ка... Ты вот это называешь «поцелуем»? — он удивленно вскинул брови и прыснул. — Мы же просто зубами стукнулись сквозь губы! Ты что, за всю жизнь ни с кем толком не целовался? Такой видный парень...

Разглядывая напряженное лицо и напускную суровость Цинь Цзую, Цзян Чу попытался уложить в голове его логику. Чем больше он думал об этом, тем смешнее ему становилось. Наконец он не выдержал и покотился со смеху, едва не сползая со стула.

«Ребенок. Зеленый еще совсем».

Цинь Цзуй под этим обстрелом хохота окончательно лишился дара речи. Да знал он прекрасно, что Цзян Чу вывернуло не нарочно!

Спорить и доказывать тут было нечего, да и бессмысленно. Ладно, пусть смеется, если ему так весело. Отодвинув стул, Цинь Цзуй поднялся и пересел на диван, наотрез отказавшись продолжать этот разговор.

Цзян Чу отсмеялся и постепенно до него дошло, откуда у этой обиды ноги растут.

Прихватив банку с персиками, он поплелся следом за мелким и несильно пихнул его по ноге:

— Подвинься.

— Тебе и на подлокотнике нормально, — буркнул Цинь Цзуй, даже не шелохнувшись.

— Ой, какие мы нежные, — цыкнул Цзян Чу.

Вспомнив, как уплетал свиную рульку, сидя на краю подлокотника, он окончательно во всем разобрался.

Цзян Чу с нахрапом втиснулся рядом с Цинь Цзуюм на диван. Мало того — он нагло закинул ноги на сиденье, оперся спиной о подлокотник и легонько ткнул пяткой парня в бедро:

— Одноклассник Цинь второго тона, запомни золотое правило: когда старший брат говорит с тобой по-человечески, тебе стоит отвечать тем же.

Убирать ногу он и не подумал. Оказалось, что использовать чужое бедро в качестве подставки под ноги — чертовски удобно, так что он устроился с максимальным комфортом.

Цинь Цзуй скосил глаза на его ступню, а затем перевел тяжелый взгляд на лицо Цзян Чу.

Цзян Чу замолчал, подбирая правильные слова для объяснения.

Ситуация и впрямь была щекотливой — всё-таки дело касалось ориентации. Учитывая, что Цинь Цзуй только-только совершил каминг-аут, любое, даже мимолетное проявление холодности с его стороны парень мог истолковать превратно.

— Я тогда не от тебя прятался, — неторопливо заговорил он, отправив в рот еще одну дольку персика. — И дело тут вообще не в тебе... Ну, точнее, не совсем в тебе. Просто я не придавал этому значения, понимаешь?

Цинь Цзуй хранил молчание.

— Ты пришел тогда взмыленный, как конь после скачек. А я только из душа вышел. С какой стати мне тереться об твою потную тушу?

Хотя искреннее «я никогда тебе не вру» действительно задело за живое, Цзян Чу так и не решился сознаться, что накануне смотрел гей-порно.

— Если бы я реально хотел от тебя отгородиться, то сейчас, когда ты сам от меня бегаешь, я бы просто промолчал и жил дальше. Зачем бы я тогда стал лезть с расспросами? — продолжал Цзян Чу.

Он попытался посмотреть на вещи глазами Цинь Цзуй и в очередной раз поразился его ранимости.

Любые колебания в чужом отношении к себе Цинь Цзуй воспринимал с десятикратной остротой. Случись подобное с самим Цзян Чу, он бы, наверное, даже ухом не повел.

— В общем, заруби себе на носу, — Цзян Чу легонько пошевелил пальцами ног, упираясь в бедро брата. — Мне глубоко фиолетово, кто тебе нравится: девчонки, парни или вообще кошечки-собачки. Мое отношение к тебе от этого не изменится. А если у меня и возникнут к тебе какие-то претензии, я скажу об этом прямо в лоб.

— И ты поступай так же. Если у тебя в следующий раз возникнут сомнения или покажется, что я веду себя как-то не так, просто спроси меня, — Цзян Чу посмотрел на него со всей серьезностью. — Спроси напрямую. Спросишь — я отвечу как есть.

— А то я ни сном ни духом, а ты меня втихаря уже приговорил и в черный список занес, — Цзян Чу приподнялся и потянулся рукой к его лбу, собираясь отвесить щелбан. — Это нечестно ни по отношению ко мне, ни к тебе. Проехали?

Цинь Цзуй выслушал всё от начала до конца, но в последний момент увернулся, и щелбан Цзян Чу пришелся по воздуху.

— А ну повернись! — напустив на себя грозный вид, скомандовал Цзян Чу.

Цинь Цзуй со вздохом обреченности подставил лоб.

Цзян Чу с чувством выполненного долга отвесил легкий щелчок. Заметив, как в глазах парня наконец-то растаял лед и блеснула слабая улыбка, он почувствовал укол жалости — надо же, этот колючий пацан отходчив до жалости.

Одолеть всю банку Цзян Чу так и не смог, поэтому всучил остатки персиков Цинь Цзую, а сам с комфортом растянулся на диване перед телевизором.

Чжоу Тэн взгромоздился на табуретку и забавно вытягивал шею, пытаясь обнюхать недоеденный стейк на столе. Цзян Чу пихнул Цинь Цзую ногой:

— Иди доедай быстрее. Бешеных денег стоит, я себе такое заказать пожадничал.

Цинь Цзуй принес тарелку к дивану. Не успел он присесть, как Цзян Чу, не отрывая взгляда от экрана, вдруг заговорщически хмыкнул:

— Погоди... Слышь, Сяо Цзуй-гэ, выходит, у тебя вообще никогда ни с кем ничего не было? Ни с девчонками, ни с парнями?

— Тебе не надоело? — Цинь Цзуй поражался тому, какими хаотичными путями блуждала мысль его названного брата. Перескакивает с одного на другое без всякой связи.

— Да мне просто любопытно: как ты вообще понял, что девчонки тебя не привлекают? — Цзян

Чу перевернулся на спину и положил голову на подлокотник, чтобы лучше видеть лицо Цинь Цзюя. — Ну поделись, правда интересно.

И пока Цинь Цзуй собирался с мыслями, в голове Цзян Чу, подогретой недавними воспоминаниями о порнороликах, всплыл еще один животрепещущий вопрос:

— А в постели с парнем... ты сверху или снизу?

У Цинь Цзюя дернулась бровь. Он медленно повернул голову к Цзян Чу:

— А сам как думаешь?

В смутных фантазиях, которые прокручивал в голове Цзян Чу, он почему-то всегда представлял Цинь Цзюя исключительно в активной роли. Тот, кто берет, а не отдает. Ему было трудно — да и, честно говоря, неприятно — вообразить, что этого парня кто-то подминает под себя.

— Откуда мне знать, — пробормотал Цзян Чу.

Вслух озвучивать догадки он не стал. А вдруг промахнется?

Цинь Цзуй по жизни был молчуном. Скорее всего, и в постели он вел себя тихо — максимум сдерживал вздохи, стиснув зубы.

Цзян Чу засмотрелся на профиль Цинь Цзюя.

«А ведь если прижать такого невозмутимого красавчика к подушкам... Представить, как его трахают до изнеможения, а он только глухо стонет сквозь зубы, пряча лицо...»

«Блядь».

Цзян Чу резко опомнился. Чертыхнувшись про себя, он нахмурился и поспешно отвернулся, чувствуя, как внутри разливается странное беспокойство.

«Какого черта я вообще взялся смаковать постельные сцены собственного брата? Да еще во всех подробностях...»

Если бы Цзян Чу узнал, что кто-то копается в его собственных интимных фантазиях с такой дотошностью, он бы без лишних слов закатал наглеца в асфальт.

К счастью, Цинь Цзуй лишь скользнул по нему быстрым взглядом и не стал развивать тему. Цзян Чу торопливо вытащил сигарету, зажигая ее, чтобы сменить русло разговора:

— Как там твои экзамены? Результаты уже вывесили?

— Сойдет, — коротко бросил Цинь Цзуй.

Другого Цзян Чу и не ожидал. Раз «сойдет» — значит, обошлось без катастрофы. Он кивнул и больше расспрашивать не стал.

Октябрь пролетел незаметно, и в город окончательно пришла промозглая осень.

До конца года никаких праздников больше не предвиделось. Весь ноябрь Цзян Чу крутился как белка в колесе: заказы сыпались один за другим, и времени катастрофически не хватало. В таком бешеном темпе предстояло прожить до самого Нового года.

Накануне распродаж «двух одиннадцати» ему позвонила Чэнь Линьго и пригласила поужинать вместе.

После той поездки за город Чэнь Линьго уже пыталась вытащить его в кино — мол, нужно выполнить обещание, данное еще в «Хайдилао». Тогда Цзян Чу вежливо отшутился и съехал с темы.

Обычно после такого отказа любая разумная девушка понимает, что ловить здесь нечего и ломиться в закрытую дверь бессмысленно.

Но Чэнь Линьго оказалась на удивление упрямой. Цзян Чу ума не мог приложить, почему она продолжает гнуть свою линию.

— Сходи, чего тебе стоит? — подначивал его Да Бэнь, выслушав очередную жалобу. — Похоже, девчонка настроена решительно: пока ты не послал ее прямым текстом, она считает, что шансы есть. Редкое упорство, может, приглядишься к ней?

— Да я просто не хотел обижать девчонку резким отказом. Придется, видимо, резать по живому, — вздохнул Цзян Чу, искренне недоумевая. — И почему она мне совсем не заходит? Вроде всем хороша...

— А тебе вообще хоть кто-нибудь заходил? Я тебя со школьных лет знаю, и ты ни разу ни по кому не сох, — Да Бэнь рассмеялся, не отрываясь от монитора, где быстро набрасывал 3D-модель. — Скучный ты тип. Вспомни хоть одну деваху, от которой у тебя крышу сносило? Ну хоть кто-то тебя цеплял?

— Да ну тебя, скажешь тоже... — Цзян Чу невольно улыбнулся, мысленно перебирая старых

знакомых. И вдруг посреди этой череды лиц в его памяти отчетливо всплыл образ Цинь Цзюя и его хрипловатый голос, произносящий: «Брат».

— Бэнь-эр, а назови меня братом, — вдруг попросил Цзян Чу.

— Офигенно подходит. Я как раз младше тебя аж на целых три месяца, так что прямо обязан выказывать почтение старшим, — не глядя съязвил Да Бэнь.

Они постоянно перекидывались подобным шутливым абсурдом, так что никто даже не удивился.

— Брат Бэнь, ну серьезно, позови меня так, — повторил Цзян Чу.

— О-о, слушаюсь и повинуюсь, — охотно отозвался Да Бэнь и фальцетом затянул: — Братец! О, мой ненаглядный братец! Желанный мой!

Не дав ему довыть последнюю ноту, Цзян Чу со стоном перебил его:

— Всё, завали, хорош шаманить. А то сейчас Сунь Укун с небес спустится изгонять эту нечисть.

Да Бэнь покатился со смеху.

<http://bllate.org/book/18398/1819689>